

18+

Вернуть мужа

Ольга Волошина

Ольга Волошина

Вернуть мужа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66551430

SelfPub; 2021

Аннотация

Хозяйственный, работающий муж всегда нужен слабой женщине. Что делать, если такое сокровище собралась украсть другая? Какие меры нужно принять, и что из этого может получиться?

Ольга Волошина

Вернуть мужа

От Ларисы ушёл муж. Ушел нагло и внезапно, без вещей и объяснений. Притом перед самыми праздниками. Теми самыми, которые раньше были ноябрьской годовщиной октябрьской революции, потом Днем примирения с кем-то. А теперь празднуют что-то такое... очень важное. Но точно Лариса сказать не могла, так как пребывала в горе и телевизор не смотрела.

Куда делся недавний законный супруг, она тоже знала не вполне точно. Но та баба не была ни моложе, ни красивее Ларисы, и это особенно оскорбляло. Подружка Нина сказала по данному поводу, что на обиды можно наплевать, а мужика из всех сил нужно пытаться вернуть обязательно. С какой это стати уступать его совершенно посторонней нахалке, тем более, что зарабатывал этот самый мужик совсем неплохие бабки.

– Без борьбы не отдавай ничего! – сурово приказала Нина. – Он, конечно, предатель и козёл. Но взять его назад на данном этапе твоей жизни экономически целесообразно. У меня разработан план по обратному отъёму твоего Серёги. Попробуй сначала разжалобить его, надавить на совесть – что угодно, лишь бы был результат. Можешь посылать ему СМСки, писать письма. Даже звонить по телефону, но это

хуже всего – он может прервать разговор, а ты разнервничаешься. Да и у его новой бабы будет шанс подслушать...

СМСок Лариса не любила и решила заняться сочинением письма.

«Сергей! Начинаю свое послание с того, что замечу: никто тебя за дверь не выставлял, я просто исполнила твоё невысказанное желание освободиться от верной тебе семьи. Из двоих – твоих! заметь – детей и во главе с верной тебе женой, – Лариса перечитала первые строки своего сочинения и осталась ими вполне довольна. – Согласись, что именно этого ты добивался, об этом мечтал. Так что я, исходя из вышесказанного, сочла своим долгом вернуть тебе свободу от своего имени, а также от имени наших, но теперь только моих детей».

Лариса ненадолго задумалась и снова застрочила шариковой ручкой по листу в клеточку из школьной тетрадки:

«Ты мечтаешь, видимо, создать другую семью, утопическую – без проблем, без обязанностей. Что ж, флаг тебе в руки! Желаю успехов на этом поприще, – тут Лариса снова оторвалась от листочка, подняла глаза к тусклому окну, обрамлявшему мрачный кусок тяжёлого тёмного неба, смахнула навернувшуюся слезинку и неожиданно для себя закончила: – Но эта утопия неосуществима, как и любая другая».

Лариса долго сидела над исписанным листком и с удовольствием перечитывала своё произведение. Затем она вдруг вздохнула, почесала ручкой кончик носа и снова завозила ею

по бумаге: «Я всегда тебе доверяла, делилась с тобой самым лучшим: домашним теплом, душевными всплесками и переживаниями, даже самой собой в прямом физиологическом смысле слова. Может быть, всего этого было не так уж много. Но что же взамен? Ты оказался лживым, двуличным, себялюбивым, распущенным подлецом, словом – полным козлом.

Эта твоя новая, с позволения сказать, блондинка в твоих понятиях лучше, умнее, красивее меня. А нравственность и душевные качества не имеют значения! Но что будет, если обо всём этом во всей неприглядности фактов узнают и её дети?»

О том, что у соперницы есть дочка и сын, Лариса узнала случайно, из подслушанного разговора.

«Муж её, наверное, тоже в частичном неведении. Не думаю, что упомянутой блондинке придётся по душе, если кто-то расскажет ему всё, как есть на самом деле».

Дельная мысль, однако, пришла в её, Ларисину, замороженную голову. Можно приобрести сразу троих союзников, если предложить им совместную борьбу с этим... м-м... адюльтером. Во всяком случае, мужа можно привлечь на свою сторону стопроцентно. С детьми может быть по-всякому. У Ларисы никогда не было склонности к педагогическим упражнениям. Она всегда предпочитала спокойные занятия.

Письмо, однако, не было закончено. Требовалась еще пара трагических, жалостливых нот и завершающих штрихов,

правдиво и нелицеприятно подводящих итог Ларисиных излияний.

«А как ловко ты выучился лгать! Но при всей моей иллюзорности, я начала догадываться...» – Лариса оторвала глаза от листка и на секунду задумалась: словно бы что-то в последней фразе не так. Ну и чёрт с ней, с иллюзорностью. Так она будет казаться убедительней в своей непосредственности и искренности чувств. Вот кстати и об этом:

«Я была с тобой всегда такая доверчивая, чистая. Так верила, что я твоя последняя женщина, так надеялась, что хотя бы единственная... А на самом деле – чужая жена, наглая баба, тебя обнимала, тащила в постель. Одна только мысль об этом меня и теперь содрогает!» – тут Лариса неожиданно для самой себя всхлипнула, по носу её скатилась увесистая горячая слеза и плюхнулась прямо на середину исписанного листочка. Несчастливая брошенная жена долго смотрела на мокрое пятно в самом центре жалостливого и где-то даже трагического письма, затем стиснула зубы, нахмурилась и начертала несколько завершающих строк:

«И эти твои друзья, Миша с Ритой, когда я им пожаловалась, вместо сочувствия оскорбили меня абсолютным непониманием: мол, у нас с тобой не было полного духовного контакта и общности интересов. У них-то конечно полный контакт при таких деньгах, какие они вдвоём зарабатывают. Вот, кстати, и о деньгах! Мне их теперь будет очень не хватать без твоей зарплаты, ты ведь сам приучил меня работать

спокойно, за маленькое жалованье. Конечно, можешь гордиться, что оставил мне всю мебель, и дачу, и ту крошечную квартирку, что тебе от дяди Васи осталась. Но не обольщайся – я бы и сама тебе ничего не отдала, даже если бы ты потребовал. Спасибо Богу, всё не на тебя оформлено. А ты мне ещё и остался должен порядочную сумму, если учесть, что с самого дня свадьбы все эти двадцать лет мы жили на моей жилплощади, тогда как ты приехал из своего Тамбова с голым задом и единственным чемоданом. Так что придется тебе на детей-то раскошелиться, на мои деньги нам не прожить. Деньги можешь приносить сюда, в своё бывшее жильё, но с детьми общайся на стороне, мне видеть вас вместе будет слишком тяжело» – тут она трагически вздохнула.

«Как видишь, я не запрещаю тебе общаться с нашими детьми, ибо это было бы нелогично... И вот ещё что: тебе придется приходить к нам и чинить всякую технику, когда она будет ломаться, ведь у нас нет лишних денег, чтобы платить посторонним мужчинам, а сами мы ничего этого не умеем» – на лице Ларисы появилось выражение самой твёрдой решимости.

«Если ты на что обиделся из моего письма, то и пусть: я имею право быть не всегда приятной, как и всякая брошенная женщина. Но если ты решишь вернуться, мы тебя всё же примем назад. Только без всяких связей на стороне, заметь себе это сразу!!»

Лариса перечитала свое сочинение и, довольная, отпра-

вилаась пить чай с пирожными. Чувствовалась усталость, и внутренний голос настоятельно советовал подкрепиться. Чай с лимоном в большом бокале уже оставался на самом донышке, второе пирожное выглядело так аппетитно, что можно было ненадолго забыть о фигуре. Но в этот момент пришла Нина с ревизией, и Ларисина стройность была спасена ровно настолько, насколько её ещё можно было спасти. Под строгим Нининым взглядом пирожное исчезло в недрах холодильника, а Лариса принесла на кухню свой эпистолярный труд, которым она теперь страшно гордилась.

Нина пробежала строчки глазами и изрекла:

– Дурища! После этого он от тебя сбежит окончательно. Чтобы больше уже не вернуться. Я же русским языком тебе сказала: на жалость нужно давить.

– Так я согласилась всё простить, если вернётся, – возразила Лариса. – Какого рожна ему ещё надо!

– Не забывайся, теперь уже не ты ему указываешь. Садись и пиши, что я продиктую, – распорядилась подруга. – «Не захотел ты меня выслушать, так хоть прочти эти строки. Бог тебе судья, конечно, за то, что ты поступил с нами так жестоко... (Пауза длинная, три точки значит). Никак не могу опомниться, даже сердце покалывает стало. И Коля переживает очень: две двойки уже принес из школы. Не знаю, можно ли его ругать в данной ситуации. А Толик простудился и теперь всё ещё болеет. Не уверена, удастся ли ему закончить учебный год без троек. А через год ведь выпускной класс...

(Снова пауза). Даже кошка Мымра не ест свой вискас, а сидит целый день в прихожей и на дверь смотрит. На лоток сбегает – и снова смотрит».

Нина щёлкнула пальцами, причмокнула от удовольствия и продолжила:

«А ещё у нас сломался холодильник. Теперь питаемся одними бутербродами с маслом и повидлом. С чего ж тут здоровье будет?.. (Большой вопросительный знак и снова пауза). Если ты окончательно решил от нас уйти, так хоть приди за своими вещами. Может, и холодильник посмотришь заодно... (Длинная задумчивая пауза). Заканчиваю письмо, так как вернулся Коля из школы. Не хочу, чтобы он знал, что я тебе пишу. Всё ещё твоя жена, хотя бы и формально. Лара».

– Он никогда меня Ларой не называл, – воспротивилась Лариса, подняв глаза от исписанного листочка.

– Так ты и писем ему раньше не писала, а так трогательнее будет, – пояснила Нина. – И эффективнее.

Подруги выпили по рюмочке коньяка, закусили яблоком, так как Нина была очень серьёзно настроена против пирожных. «Фигур лишних у нас с тобой и так нет», – сурово сказала она и звучно откусила изрядный кус яблока.

Оставшись одна, Лариса несколько раз перечитала надиктованный текст, вложила в конверт и уверенно подписала адрес: «Москва, ул. Пospelова, 8. Опытный завод «Полимерпродукт». Коммерческому директору Федосееву С.Н.» Немного подумала, запечатала первое письмо в другой кон-

верт и решила отправить оба одновременно.